

Светлана ЖИВНАЧ

## ЗВУКИ ВЕСНЫ

«Эт-но-гра-фи-че-ска-я экс-пе-ди-ци-я, — по слогам нараспев протянула Нелли и рассмеялась: — Что я там забыла? Зачем мне это надо?» — то и дело всплывали вопросы в голове девушки, пока она старательно укладывала вещи перед завтрашним отъездом в глухую полесскую деревушку. Причину неожиданного для многих участия второкурсницы в экспедиции четвертого курса по сбору традиционных весенних песен звали Дима. Парень увлекался этнографией, которую и выбрал своей специализацией на курсе.

Дорога до нужной деревни оказалась весёлой, особенно последние километры, которые компания преодолела на попутном тракторе. Разместившись в отведённой им хате, студенты собрались в одной комнате обсудить планы с руководителем. Нелли раздражало, что возле Димы постоянно мельтешит Агата. «Вот привязалась, а ещё выдумала — называть Диму, на народный манер, Змитром, — мысленно возмущалась Нелли. — А ему, похоже, нравится».

— Завтра с самого утра местные для нас проведут «Гуканне вясны»<sup>1</sup>, так что ужинаем и расходимся спать, — объявил в конце обсуждения начальник экспедиции.

Конечно, ужин затянулся, перерос в посиделки с песнями под гитару, смехом, долгими разговорами. Только далеко за полночь все разбрелись спать.

Проснулась Нелли от того, что кто-то тормошил её. Разлепив глаза, она непонимающе уставилась на нависшего над ней Диму:

— О, проснулась. Доброе утро. Давай вставай, скоро выходим. Возьмёшь камеру. И запасной диктофон.

И ушёл, по пути раздавая задания другим студентам. «Больше других ему надо, — сонно ворчала Нелли, проклиная всё на свете. — Зачем я вообще сюда припёрлась? Деревенских рассветов под завывание местных бабок мне в жизни не хватало?»

Вскоре вся команда двинулась на край деревни, где простиралось поле, а чуть поодаль начинался лес. Тут и собирались «гукаць вясну». Женщины выглядели нарядно в цветастых платках и длинных юбках с вышитыми передниками. Немногочисленные мужчины стояли в стороне. Нелли указали место, откуда снимать. Праздник начался. Женщины выстроились в ряд и затянули:

*«Вол бушуе, вясну чую... Гу-у-у-у»*

Нелли хмыкнула, подкрутила настройки резкости фотоаппарата и продолжила снимать. Зазвучала следующая песня:

*«Жавароначкі, прыляііце, вясну красную прынясіце...»*

Песня лилась, сопровождаемая традиционным «гу-у-у-у», так веселившим Нелли поначалу. Женщины пели без какого-либо музыкального сопровождения, самозабвенно отдаваясь, выпуская на волю народные напевы. Мелодия расплывалась и окутывала всё вокруг. Нелли невольно залюбовалась и заслушалась, продолжая снимать. После небольшой паузы, переведя дыхание, женщины запели:

*«Вясна, дзе бувала...»*

Песня проникала глубоко в сердце, гулко отзывалась внутри, вырывалась наружу. Нелли прислушивалась к себе и не понимала, что происходит. Она попыталась стряхнуть неясное ощущение, оглянулась по сторонам: тёмный лес подступал к поляне с проталинами, на которой стояли люди и пели, ничего не было в этом сверхъестественного. «Откуда это? Что происходит?» — руки начали слегка дрожать. Нелли передала каме-

<sup>1</sup> «Гуканне вясны» - древний праздник прощания с зимой и встречи весны. Сопровождается обрядовыми весенними песнями, хороводами. Одна из особенностей традиционных песен-веснянок в том, что каждый куплет заканчивается удлинённым звуком «гу-у-у-у». Люди зовут весну быстрее прийти, радуются первому весеннему солнцу и прогоняют зиму. Все строки из песен-веснянок.

ру вовремя оказавшемуся рядом парню из экспедиции. А сама застыла, слушала, впитывала:

*«Вясна, дзе бувала...»*

Потом завели хоровод, в который попала и Нелли. Мелодия, напеваемая десятками голосов, слившимися в один поток, неслась по околицам. Нелли шла в хороводе, боялась споткнуться и расплескать переполнявшие до краёв новые эмоции, ощущения. Здесь, под просторным весенним небом, среди леса и только начинающей дышать земли шли люди по кругу и пели, как много веков до них делали их предки, и всё те же были небо, лес, песни. Нелли делала шаг за шагом в этом бесконечном хороводе, отдаваясь звучащей природе, она и сама звучала, чувствуя себя маленькой частью того вечного космоса, обрушившегося на неё в полесской глуши.

«Гуканне вясны» продолжалось. Не в силах совладать с собой, Нелли отошла в сторону. Её мелко трясло. Внезапные слёзы полились рекой. Она прислонилась к старому дубу и неожиданно ощутила движение, биение жизни под сухой морщинистой корой. Пробудившиеся древние силы жизни струились по стволу, лились по корням, текли мощным потоком, пронизывая прижавшуюся к дереву, замершую в необъяснимом восторге Нелли.

Рядом оказался встревоженный Дима:

— Ты в порядке, Нелька? Что с тобой?

Нелли подняла на него глаза и улыбнулась:

— Всё хорошо, Змитрок. Это весна!

## СНЕЖНОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ

Наконец после затянувшихся тёмных ноябрьских дней начался снегопад. Не мокрый снег с дождём, не редкие снежинки, напоминающие стряхиваемый с облаков пепел, а настоящий медленный, густой снегопад. Белые хлопья несколько часов укрывали городскую серость, засиявшую в итоге нарядной, нетронутой белизной.

Ванда с самого утра, как только её пересадили в кресло, не отрываясь, смотрела в окно на снег. Около месяца с упрямым настойчивым нетерпением она ждала именно снега. Увидеть снег — стало для неё навязчивой мыслью. Не только увидеть: женщине хотелось прикоснуться к снегу. Это желание сейчас навалилось настолько отчаянно, что Ванда не могла с ним бороться, кроме как сбежав в воспоминания о десятках, сотнях прожитых снежных дней. Вспоминалось наиболее яркое. Вот они, ещё дети, катаются с огромных снежных гор, ныряют, чуть ли не с головой, в сугробы, выгрызают слипшиеся снежные комки из варежек. А вот прогулка под вечерним снегопадом с любимым мужем, когда они, совсем ещё молодые, дурачились, опрокидывали друг друга в снег, забрасывали снежками, просто лежали на снегу, глядя, как снежное небо обрушивается на землю и на них. Вот другой снежный день, когда уже со своими маленькими детьми они всей семьёй катаются с горки, шумные, раскрасневшиеся, весёлые, а после лепят огромного снеговика.

Воспоминания не очень помогли отделаться от желания прикоснуться к снегу, хотя Ванда понимала, что это невозможно. Со случившимся весной полным параличом и невозможностью что-либо чувствовать она примирилась относительно спокойно, ничего не поделаешь, раз вот так ей выпало доживать свою долгую жизнь. Жалела только, что и мозг не парализовало вместе с телом.

Но падающий долгожданный снег лишил её покоя, будто именно потрогав снег, можно было наконец умирать спокойно. Буйствовавшая летняя зелень, яркие цветы и запахи, красно-жёлтые осенние листья — всё это и многое другое оставляли Ванду равнодушным наблюдателем происходящего, непреодолимо манил лишь снег.

— Сейчас время проветривания, давайте я отвезу вас в коридор? — новая молоденькая медсестра обратилась к замершей у окна Ванде.

— Не надо, — тихо отозвалась та. — Укройте шалью и подвиньте ближе к окну, пожалуйста.

Оставшись одна у открытого окна, Ванда продолжала, словно загнипнотизированная, смотреть на падающий снег: «Вот он, совсем близко, а недосягаем. Даже если сестру уговорить вывезти на улицу, всё равно ведь ничего не почувствую». Собственное бессилие заставило Ванду совершить неожиданное — резкую попытку рвануться вперёд, но, несоизмеримо затраченным чудовищным усилиям сдвинуться с места, она осталась неподвижной. Внутренне заставляя себя собраться и повторить попытку, жен-

щина понимала её бесполезность. Однако отчаянно снова рванулась из кресла. Немыслимым образом тело её послушалось и двинулось вперёд, но ровно настолько, чтоб тряпичной куклой повиснуть на подоконнике. Теперь голова Ванды была на улице. Не обращая больше внимания на невозможность происходящего, она кое-как повернула лицо к снегу, на большее сил у неё не хватило. Так она и осталась в окне — глядя на падающий в лицо снег, ощущая легкое покалывание снежинок и почти незаметно улыбаясь.

## ДИКИЕ ДЖУНГЛИ

«Как же так? За что? Где, в каких жизнях я столько нагрешила, чтоб оказаться в итоге здесь?» — с такими мыслями молодая девушка с огромным рюкзаком на плечах и не уступавшим в размерах рюкзаку чемоданом в руках стояла на главной площади маленького городка, с которым её жизнь будет связана ближайшие два года, и внимательно, не спеша оглядывалась по сторонам. А посмотреть было на что: всё вокруг напоминало малый филиал заброшенной части Детройта с поправкой на местные традиции архитектуры и организации городского пространства.

«Джунгли, самые настоящие джунгли. Что ж они не бросят это место и не уйдут отсюда совсем? Нет же, живут, где-то работают, рождаются, умирают и ко всему ещё и учатся...» А именно с такой целью — сеять разумное, доброе, вечное — в городок, о существовании которого она и не подозревала до этого, была направлена по распределению молодая учительница, только что выпущенная из стен филфака университета с громким красивым названием.

Если сам город вызывал у неё стойкую ассоциацию с джунглями, то школа была концентрированной моделью этих джунглей со своими законами. Она так и воспринимала происходящее: приходишь на урок, продираешься, продираешься, кажется, даже вот уже и тропа и полянка получилась, а на следующий урок приходишь, а там порой ещё более дикие заросли. Так и протекали будни молодого педагога. Утешением для неё было думать, что уже меньше, чем через два года, она сбежит отсюда. Пусть даже здесь у неё случались и радостные моменты и встретились хорошие люди, но она покинет это место, как только можно будет, только бы продержаться эти пару лет.

Классное руководство в классе, где некоторые выглядят старше тебя, то ещё испытание для молодой учительницы, но она честно старалась, иногда ей казалось, что даже удаётся, что её слышат, что она их понимает, что всё не зря, а потом резко снова — джунгли. В классе её сильно волновала ситуация с одним учеником, которому часто доставалось от одноклассников, вроде бы без причин, сам тихий, незаметный, такой длинный, тощий, нескладный, всегда в стороне, витающий в своих мыслях, но она знала, как ему в классе непросто. Она собиралась как-нибудь поговорить с ним серьёзно о литературе, к которой у парня имелась явная склонность и способности, а может, даже талант, слишком уж необычные сочинения он сдавал, читая которые учительница тихонько радовалась своей возможности как учителя: помочь ученику и, что ещё важнее, не навредить. Но подходящего случая пока не представлялось, находилось много текущих неотложных учебных и околоучебных дел, да ещё плюс сбрасываемые, как посылки с самолёта на дикий остров, ценные указания сверху, на которые надо было хоть как-то успевать реагировать. Всевозможные постановления и рекомендации от тех, кому естественно виднее, как правильнее расчищать джунгли.

Однажды, возвращаясь домой, во временное убежище — общежитие для молодых и немолодых специалистов (те ещё, по её мнению, джунгли, одни лианы белья сушившегося в душных коридорах чего стоили), — учительница заметила своих старшеклассников, стоящих толпой. С зародившейся смутной тревогой она направилась в их сторону. С приближением к группе учеников тревога уступила место страху, так как ей показалось, что она заметила у одного из учеников нож. Но вопреки страху она пошла к ним ещё быстрее, практически побежала. Оказалось, парни столпились вокруг того самого, которому часто доставалось, скорее всего за непохожесть, но точно не за зло или вред, кому-либо причинённый, как она успела за время работы в классе понять.

— Что вы здесь делаете? — громко прокричала она и как-то незаметно для себя самой оказалась в центре полукруга рядом с поникшим парнем.

— Слушай, училка, мы сейчас не в школе. Шла бы ты отсюда. Знаешь главный закон джунглей? Каждый сам за себя. Так что побереги себя, не встречай, — это оскалился один из самых сложных её учеников, практически не посещающий уроки, а если и появляющийся, то почти всегда напрочь их срывающий.

— Нет! И кстати, нож есть не только у тебя, — она прижала к груди сумку, представ-

ляя, что где-то там на дне валяется перочинный ножик, в её мыслях разросшийся до увесистого тесака, что казалось, даже сумка потяжелела, — но кровь не прольётся, слышишь! И ты не знаешь главный закон джунглей, он гласит: мы с тобой одной крови, ты и я! — не отдавая себе толком отчёта, почему именно эти слова она сейчас так яростно прокричала, она смело посмотрела ему прямо в глаза, а потом обвела взглядом всех остальных.

Если бы ей как-нибудь раньше показали такую картинку с её участием, она бы только удивленно рассмеялась: «Ну бред же какой-то киношный». Ещё больше бы она удивилась, посмотрев на себя со стороны сейчас, той силе, которая от неё исходит, которую почувствовали эти ребята с острыми колючими взглядами.

— Ну даёшь, училка! — это было сказано уже иным, чем в начале, голосом. — Ладно, будет порядок тебе на уроках, ну и ты живи, очкарик! — отвернувшись и зашагал прочь вожак, а за ним и вся стая подростков.

— А ты завтра покажешь мне свои стихи, ладно? — это она уже совсем тихо сказала растерявшемуся, потрясённому, избежавшему расправы парню.

— Но я не... Откуда вы?...

— Мы с тобой одной крови, — слабо улыбнулась она, пожимая плечами, и пробормотала: — То ли я в джунглях, то ли джунгли во мне.

## БАБЬЕ ЛЕТО

На поленнице разлеглась греющаяся на солнце кошка, которая только слегка повела ухом на постукивание занавески из ярких, густо нанизанных на леску деревяшек. Открыв настежь дверь и поправив спутавшиеся бусины занавески, на порог своего дома вышла старая женщина в цветастом платке.

Закончив сметать сухие листья, нанесенные ветром к крыльцу, женщина облокотилась на поленницу и замерла, глядя на почти убранный огород. Почесав кошку за ухом, проговорила, обращаясь к ней:

— Гляди, Баська, а летает паутинка-то. И теплынь такая сегодня. Видать, вот оно бабье лето и пришло. Наше с тобой лето.

Кошка потянулась и лениво муркнула, поддерживая разговор.

Старушка отправилась к навесу у сарая, где на ржавых, вбитых в бревенчатую стену гвоздях висели плетёнки лука, чеснока, пучки трав. Заботливо всё проверив, она сняла несколько высохших охапок фасоли, затем удобно пристроилась у крыльца и начала лущить фасоль. Белые и коричневые семена из стручков сначала звонко, а потом беззвучно падали в железную миску.

Перебирая рукой и пересыпая фасолины, женщина пробормотала, отзываясь на какие-то свои воспоминания:

— А вот, может, столько дней-то и прожито, как фасолин этих, одни светлые, другие тёмные, а в памяти уж всё перепуталось...

Её размышления-воспоминания прервал скрип открывшейся калитки. Во двор зашёл с лукошком яблок сосед. На самом деле он жил на другом конце деревни, но они все, немногие оставшиеся старики, считали друг друга соседями.

— Здорова, Гэлька.

— Здорова, Степаныч.

— А я вот тебе яблок принёс, такой урожай в этом году.

— А то я не знаю, у меня свои некуда девать, так ещё ты припёр.

— Ай, у тебя такого сорта нет, да и я ж тебе не опад, с дерева хороших наснимал.

— Лучших чем Насте Толиковой вчера занёс?

— От ты всё знаешь, — засмеялся Степаныч. — Тебе самых лучших.

— Свисти больше. Ты б почтальонку нашу угостил, что ли, она как раз через пару дней пенсию должна привезти.

— А ты не учи! Угощу, я ей ещё тыкву и картошку подготовил. У меня, может, к ней серьёзные намерения, — приосанился и поправил кепку мужчина.

— Ой, жених нашёлся, — рассмеялась Гэля. — Ладно, спасибо, пересыпай свои яблоки, вон ящик под грушей. О, а может, тебе груши надо?

— Не, что мне твои груши, мне б того, что ты на рябине настаиваешь, — хитро улыбнулся старик.

— Ага, сейчас разбежалась я тебе наливать. Нету у меня настоек, а Насте я за её долгий язык ещё выскажу.

Прижавшись плечами к бревенчатой стене дома, прогретой тёплым осенним солн-

цем, старик закурил трубку. Выпустив несколько колец дыма, он с грустью в голосе поинтересовался:

— Ну что, твои не приедут?

— Нет, всё никак не выходит у них, — тихо ответила Гэля.

— А мой вот тоже за лето так и не выбрался, — не успел продолжить Степаныч, как женщина его резко оборвала:

— Хватит, ты мне уже сто раз одно и то же рассказываешь, уже уши болят слушать.

Ты мне лучше скажи, можешь радиоточку поправить, что-то барахлит?

— Ну можно глянуть, что там за проблема, — докурив, старик протопал в дом.

Через некоторое время, провозившись с радио, Степаныч вернулся:

— Порядок, там у тебя только проводок отходил, я починил, за что теперь и выпить не грех, — поглядел довольный собой мастер на хозяйку.

— От ты ж не отстанешь, не готово ещё, настоится — выпьем, — спокойно ответила женщина, — если доживём.

— Э-э-эх... А вот помру, так хоть вся родня соберётся, — отозвался Степаныч, — Ладно, пойду я уже. Бывай.

— Ага. Бывай.

И старик с лукошком на плече поплёлся к калитке. Гэля проводила его и, уже закрыв калитку на щеколду, окрикнула:

— Степаныч, ты это — не помирай пока. Осень такая хорошая, бабье лето во.

— Не бойсь, Гэлька, переживём твою осень и зиму перезимуем. Надо ж по весне аистов, что у меня на липе возле дома поселились, дожждаться.

Кивнув на прощание, старик зашагал дальше по тихой, пустой, приукрашенной жёлто-красным цветом, чуть затянутой дымом редких осенних кострищ деревенской улице.

## МИГ ВСТРЕЧИ

*Посвящается бабушке  
и её трём сёстрам*

Стук колес поезда не давал уснуть, хотя спать Анэте хотелось. Но нельзя: нужно было быть внимательной, чтобы не прозевать свою станцию. Она первый раз в жизни ехала поездом. Машинист товарняка согласился пустить её в вагон, где она укрылась в углу среди ящиков и настороженно смотрела вокруг. Иногда сквозь щели вагона пробивался тусклый свет, значит, проезжали крупную станцию. Женщина в эти моменты подрылась, пытаясь что-то разглядеть сквозь не плотно прилегающую дверь вагона, но почти ничего не успевала заметить, только вдыхала клубы паровозного дыма, заставившего слезиться глаза. Завтра вечером, если ничто не помешает, она сможет увидеться с мужем. Военная часть, где он с другими недавно призванными красноармейцами завершали подготовку, располагалась в небольшом городке на Житомирщине, туда и направлялась Анэта.

Поезд, не дойдя пары вёрст до разбомбленной станции, остановился среди небольших холмов, поросших редким ельником, который под нависшим тёмно-серым небом выглядел достаточно мрачно. Немногочисленные пассажиры повыпрыгивали на насыпь и неровной, измотанной войной цепочкой двинулись в сторону почти не тронутого тремя годами войны городка, о чём свидетельствовали редкие сожженные дома, кое-где выщерблены пуль на стенах от мимоходом коснувшихся их обстрелов.

В вечернем полумраке небольшая кучка женщин, как испуганная птичья стая, прижималась друг к другу у КПП. Накрапывал мелкий дождь, ветер трепал платки и полы одинаковой сероватых оттенков одежды, заставляя и без того съёжившихся ожидающих ещё сильнее кутаться в выношенные полинялые пальтишки.

— Адасть! Я здесь, — узнав своего мужа, Анэта схватила огромную котомку и бросилась вперед.

Он неуклюже, будто стесняясь, обнял. Постояли молча.

— Доехала, — ласково глядя её обветренное лицо, протянул он. — Как ты управилась только?

— Ой, не спрашивай, как-то добралась. Вот, первый раз в жизни поездом проехала.

— Пойдем. Холодно здесь стоять. Я тут на одну комнату договорился, мужики помогли, согласились. Пойдем.

«Похудел, будто вытянулся вверх, а глаза как угли горят», — шагала следом к какому-то полуразрушенному зданию Анэта.

— Ну вот такие хоромы нам на ночь. Зато тепло, — показал рукой в сторону небольшой печки Адася.

В тесной комнате располагались кровать, стол и какие-то ящики, присев на один из которых, Анэта стала развязывать платок.

— Я тебе вот поесть привезла, — сбросив пальто, она подошла к столу и начала разбирать свой узелок.

— Потом, — мужчина подошел и стиснул жену в объятиях. — Потом.

Страстные поцелуи, крепкие объятия. Все происходило быстро, резкие движения, непослушная мешающая одежда. Анэта задыхалась, было иногда даже больно, но она молча терпела, как можно сильнее сжимая Адася истосковавшимися руками. Муж никогда не был с ней особенно ласков, но сейчас хотелось запомнить все: каждое прикосновение, крепкие руки, горячие губы. И только не думать, что это, может, последний раз...

Потом лежали на кровати, Анэта тихонько замерла, прижавшись к Адася, боялась пошевелиться, жмурилась, стараясь не думать, где они сейчас и что на самом деле вокруг.

— Ты извини, что я грубо, соскучился, сама понимаешь, — неожиданно произнес Адам.

— Все хорошо, — ответила Анэта.

— Как дети? Как вы там?

— Дети у бабы с дедом. Ничего, потихоньку как-то живем. Картошка в этом году неплохая выросла. Недавно коня нашего перегнали на хутор к твоим, там всё-таки спокойнее. Жалко, если заберут. Лёдя одна сама на нем через лес добиралась. А вас скоро уже на запад?

— Скоро, но никто не говорит когда, — мрачно процедил мужчина. — Так что ты там привезла, давай, ты ведь тоже с дороги голодная.

— Да, сейчас, давай еще минутку полежим.

На рассвете сторбленная усталая женщина выходила через КПП. Ей вослед смотрел мужчина, в непослушных пальцах которого все не хотела раскуриваться сигарка.

«Не плакать, только не плакать», — по дороге к поезду твердила себе Анэта. И только когда удалось договориться с машинистом и забиться в пустой угол вагона, она дала волю слезам. Дорогу назад почти не запомнила.

А потом были редкие письма.

А потом кончилась война.

И пришло еще одно письмо, в котором значилось: «Пропал без вести».